

С. Б. Сорочан (Харьков)

К датировке и интерпретации комплекса Уваровской базилики в византийском Херсоне

S. Sorochan (*Kharkov*)

About the Dating and Interpretation of the Complex of the Uvarov Basilica in the Byzantine Cherson

Мне представляется необходимым изложить в тезисном порядке те возражения, которые вызвала пространная статья Л. Г. Хрушковой «Епископальная базилика Херсонеса Таврического: методы изучения, результаты, современный взгляд», изданная в 2016 г. во «Владимирском сборнике» [1, с. 327–435]. Это сакральное сооружение, отраженное не только в археологических, но и письменных агиографических источниках, являлось самым крупным и роскошным епископальным храмом Херсона, а точнее, целым комплексом построек, объединенных единым планом. Имеющиеся нарративные источники позволяют высказать достаточно уверенное предположение, что его центральное сооружение — епископальная базилика — была освящена во имя Апостолов Петра и Павла и известна как «большая базилика» (*basilika major, ad majorem basilicam, «кафоликia церковь»*). Ряд вопросов, порожденных ее исследованиями, действительно являются дискуссионными и фокусируют «...все проблемы, связанные с изучением ранневизантийской архитектуры Херсонеса и всего Крыма».

Тем не менее, хочу заметить, что я никогда не относил «строительный бум», несомненно, пережитый этим городом, лишь к концу VI — первой половине VII вв. По моим наблюдениям, он начался около середины VI ст. и завершился в VII в. Базилика Крузе (№ 14), которую Л. Г. Хрушкова приводит в качестве раннего хронологического репера массового строительства, по последним данным, полученным в результате археологических исследований С. В. Ушакова, датируется второй четвертью — серединой VI в., то есть может относиться к постройкам времени завершения правления Юстиниана I (527–565 гг.) и не ломает этот ряд.

Сама Уваровская базилика (№ 23), судя по известной херсонесской медной монете того типа, который выпускался в правление Юстина II (565–578) и вплоть до начала правления Маврикия (582–602 гг.), — той самой монете из колодца, над которым прошла западная капитальная стена нартекса базилики, — как архитектурный комплекс возникла не ранее конца VI в.

Конечно, можно считать эту монету каким-то образом попавшей в колодец позже, но с куда большим основанием можно этой находке К. К. Косцюшко-Валюжинича доверять, как и напольным мозаикам, находящим аналогии в VI в. Наличие атриума (аулы) не является надежным отнесением базилики именно к V в. (такие внешние двory были не редкостью для ранневизантийских крупных храмов). К тому же исследования С. Г. Рыжова под участком западной стены аулы в 1983 г. позволили получить материал, в котором наиболее поздними были амфоры класса конца IV — конца VI вв. Равно как не могут быть таким доказательством и мраморные капители колонн V столетия, поскольку они, как и большинство таких артефактов, являлись спoliaми (в частности, здесь присутствуют колонны и другие ордерные детали по меньшей мере от трех различных и разновременных языческих храмов от III в. до н. э. до второй половины II — начала III вв. н. э., но это не дает оснований возводить постройку храма к этим временам). На месте базилики действительно мог существовать более ранний христианский сакральный объект (я разделял это предположение, впервые высказанное Д. В. Айналовым), но, надо подчеркнуть, к собственно большой Уваровской базилике он не имел отношения и все следы его уничтожены при последующем строительстве нового обширного архитектурного ансамбля на скальной поверхности кварталов IV—V, где, судя по дошедшим следам, прежде несомненно находились жилые усадьбы, хозяйственные сооружения, колодцы.

Солея базилики № 23, невнятно описанная первым раскопщиком, А. С. Уваровым, а вслед за ним и другими исследователями, не сохранилась: отсюда разноречивых мнений о ее устройстве, внешнем виде, наличии или отсутствии ограждения. Во всяком случае, на планах-чертежах А. С. Уварова, М. И. Скубетова и Н. М. Янышева она, как и полагается солеей, ведущей от алтарного возвышения, выглядит вытянутым прямоугольником от вимы в сторону, вероятно, некогда находившегося по центру наоса возвышения амвона и, будучи по своему смыслу проходом к алтарю, вполне могла быть огорожена барьером. Я, как и А. С. Уваров, никогда не смешивал амвон с солеей как литургические конструкции, но реконструировать их вид ныне можно лишь гипотетически, что для амвона сделано А. Бернацким на основе отдельных сохранившихся мраморных деталей.

Помещение, примыкавшее с севера к нартексу базилики № 23, следует интерпретировать, скорее, как меморий или скевофилакий, а не как диаконник, причем не из-за погребений под его полом (такие случаи встречаются), а из-за отсутствия прямой связи с алтарем минуя северный неф. Попросту говоря, облаченный для Большого Входа священник не мог бы оттуда попасть в храм к алтарю во время Литургии Тайнства.

Мартирий, устроенный в восточной оконечности южной «галереи» Уваровской базилики, предназначался для привелегированных захоронений,

включая епископские, в крипте-склепе этой церкви. Тут сомнений нет, в отличие от назначения отверстия около 45 см диаметром, проделанного в толще свода склепа и прикрывавшегося сверху квадратной плитой вровень с полом в помещении мартырии. Мое предположение о связи его с христианскими праздничными «вечерами любви», агапами, коллективными молитвенными трапезами единоверцев, иногда на гробницах святых, - агапами, какие византийский мир, подчеркиваю, знал до конца VII в. включительно, тем более подходит, если принять предположение самой Л. Г. Хрушковой о существовании на этом месте более раннего христианского храма V в., когда практика агап еще не была отменена канонами Вселенского Трулльского собора 691–692 гг. Над склепом в таких случаях помещали алтарный столик с дополнительной столешницей — менсой, какие известны в ранневизантийском Херсоне (на примере находок К. К. Косцюшко Валюжинича во время раскопок загородного храма Богородицы Влахернской). Предполагаемый Л. Г. Хрушковой визуальный контакт верующих с чтимыми гробницами, мощами, покоившимися в склепе, через отверстие — «глазок» глубиной около 0,8 м в его массивном скальном потолке, был предельно ограничен, а по сути, дела, ничего не давал бы, кроме крошечного пятка на полу темной крипты, хотя исключить и такое сакральное использование отверстия невозможно.

И, наконец, остается непонятным, почему близость береговой линии и некое «неудобное положение самого важного религиозного центра Херсонеса» (?) заставляет Л. Г. Хрушкову относить мартыриальный храм «А» (1904 г.), входивший с востока в епископальный комплекс, к самым ранним сооружениям, предшествующим базилике № 23? Это абсолютно несовместимо с тем, что храм «А» был возведен над краем открытой в 1901 г. большой рыбозасолочной цистерны «а» (№ 52), засыпанной в середине — конце VI в. при нивелировке участка для строительства ансамбля архитектурного церковного комплекса на северо-восточном берегу города. К слову, это обстоятельство еще раз подтверждает мнение тех исследователей, которые относят строительство комплекса Уваровской базилики ко времени не раньше правления императора Юстина II (565–578 гг.), но никак не к V в.

По моему мнению, строительство сакрального епископального комплекса велось в конце VI — начале VII вв. на месте двух предварительно расчищенных бывших жилых кварталов площадью около 5000 кв. м, началось с купольного баптистерия (№ 24) и большой базилики, освященной во имя первоверховных Апостолов, и завершилось строительством малой мемориальной базилики-мартырии с триконхальной апсидой (храмом «А», открытым в 1904 г.). Анализ агиографических источников позволяет предполагать, что эта мартыриальная или поминальная церковь была освящена во имя Св. Прокония (она фигурирует в событиях 861 г. связанных с розысками мощей

Св. муч. Климента Римского, предпринятых архиепископом Херсона Георгием, Константином Философом и священником этой церкви Соломоном). В любом случае, храм «А» идеально архитектурно уравнивал «пустой» юго-восточный угол епископального комплекса. Примечательно, что в большой базилике-кириаконе служили ежедневную Божественную литургию и здесь же, в молельне с мартирием поклонялись свв. мощам. Этому сакральному культу служил склеп с отверстием в его своде. Следовательно, уже в момент возведения данного важного архитектурного комплекса строители предусмотрели специальные помещения для отправления крещального и мемориального культов, а, возможно, и для осуществления харитарной деятельности (включая устройство страноприимного прохона или ксенодохона в южной «галерее») под кураторством самого епископа, который жил здесь, в юго-западной части комплекса, и резиденцию которого не переносили отсюда по меньшей мере до XIII в.

Литература

1. Хрушкова Л. Г. Епископская базилика Херсонеса Таврического: методы изучения, результаты, современный взгляд // Владимирский сборник. Материалы международных научных конференций «I и II Свято-Владимирские чтения» / отв. ред. В. В. Майко и Т. Ю. Яшаева. — Калининград, 2016.

